

Изабель де КЕГЕЛЬ

**НА ПУТИ
К “ПРЕДСКАЗУЕМОМУ” ПРОШЛОМУ?
КОММЕНТАРИЙ К СОЗДАНИЮ КОМИССИИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОПЫТКАМ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В РОССИИ***

Созданная в мае 2009 года согласно указу Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева “Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России” вызвала оживленную реакцию и крайне противоречивые оценки как в самой России, так и за ее пределами.

Согласно указу вновь образованный орган будет заседать два раза в год. К его задачам относятся обобщение и анализ информации о “фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации”. Помимо того, комиссия должна разрабатывать стратегии противодействия,

* Перевод с немецкого Александра Каплуновского.

координировать действия государственных органов в борьбе с “фальсификациями” и составлять предложения для президента об адекватных мерах против “фальсификаций исторических фактов”.¹

Сразу встает вопрос: на каких исторических аспектах концентрируется работа комиссии? Их не так много, как это может поначалу показаться из текста указа. Речь идет не об истории России от ее истоков до современности, равно как и не о европейской или мировой истории, а имеется в виду история Второй мировой войны. Поскольку до настоящего момента состоялось только одно заседание комиссии, невозможно сказать что-то определенное о ее работе за истекший период. Однако запланированные задачи этого органа реконструируются по речам и законодательным предложениям по случаю 65-летия победы СССР во Второй мировой войне или в Великой Отечественной войне, в контексте которых возникла эта комиссия.

В канун образования комиссии президент Медведев критически высказался в своем видеоблоге, посвященном Дню победы, о том, что в последнее время все чаще наблюдаются фальсификации истории. Исторические фальсификации, подчеркнул он, становятся все “более жёсткими, злыми, агрессивными”, и факты, “которые ещё совсем недавно казались абсолютно очевидными”, приходится теперь доказывать.² За этим официальным обращением, внушавшим необходимость принятия срочных мер в исторической политике, последовал указ о создании комиссии.

В свою очередь один из членов комиссии, Александр Чубарьян, подтвердил в своем интервью “Российской газете”, данном сразу после образования этого органа, что в мире курсирует “множество вольных интерпретаций” политических событий, которые создают искаженное представление о России. Поясняя, он добавил, что “пристрастному пересмотру” подвергаются прежде всего канун войны (1939–1941 годы), Вторая мировая война и ее последствия.³ Очевидно, что под

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 “О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России” // <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=52421&PSC=1&PT=1&Page=1> до Page=6 (последнее посещение 19.09.2009).

² О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти, 7 мая 2009 // <http://blog.kremlin.ru/post/11> (последнее посещение 20.09.2009).

³ Елена Новоселова. Правда о войне и мире. Как государство собирается бороться с фальсификацией истории // Российская газета. 2009. № 4913 (89). 20 мая; Lev Gudkov. Die Fesseln des Sieges. Rußlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg // 366

до- и послевоенным периодом Чубарьян имел в виду пакт Риббентропа-Молотова, а также утверждение советской гегемонии в Восточной и Центрально-Восточной Европе после Второй мировой войны, резко критикуемые в Польше и прибалтийских государствах.

То, что российские политические элиты, руководствуясь этими оценками, видят необходимость в активной исторической политике в связи со Второй мировой войной, демонстрируют два законопроекта, направленные против ее нежелательных интерпретаций.

Первый законопроект предложил еще в феврале 2009 года глава российского министерства по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу. В рамках своей встречи с ветеранами в Волгограде Шойгу предложил ввести уголовную ответственность за отрицание победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Таким образом, по мысли министра, можно “защитить нашу историю, патриотизм наших отцов и дедов”, которые, как он полагает, находятся в опасности. Свою инициативу министр обосновал, в частности, ссылкой на то, что в некоторых государствах Европейского сообщества отрицание Холокоста является уголовно наказуемым.⁴ В ходе своего выступления Шойгу пояснил, против кого направлено его предложение: с учетом такого закона “президенты некоторых... стран не смогли бы больше безнаказанно приезжать в Россию”, а “мэры некоторых городов, прежде чем сносить памятники, несколько раз подумают об этом”. В первой части его пояснения имелся в виду украинский президент Виктор Ющенко,

Manfred Sapper, Volker Weichsel (Hg.). *Kluffen der Erinnerung. Rußland und Deutschland 60 Jahre nach dem Krieg*. Osteuropa. 2005. Н. 4-6. S. 56-73. Boris Dubin. *Goldene Zeiten des Krieges. Erinnerung als Sehnsucht nach der Brežnev-Ära* // Ibid. S. 219-233.

⁴ Уголовная ответственность за отрицание Холокоста существует в законодательствах Австрии, Бельгии, Франции, Германии и Испании. Некоторые другие страны Европейского сообщества, такие как Дания и Великобритания, отказались от подобных законодательных регулирований, ссылаясь на конституционную свободу мнения. Хотя Европейское сообщество после шестилетних эмоциональных дебатов и приняло в 2007 году резолюцию, побуждавшую страны-члены ЕС ввести уголовное наказание за отрицание Холокоста, однако те страны ЕС, в национальном законодательстве которых до этого момента отсутствовали такого рода законы, не обязывались к их принятию. Резолюция ЕС направлена в основном против призывов к насилию или ненависти по расовой принадлежности, цвету кожи, религии, этническому происхождению, а также против тривиализации геноцида, преступлений против человечества и военных преступлений – см. Dan Bilefsky. *EU Adopts Measure Outlawing Holocaust Denial* // *The New York Times*. 2007. 19 April. http://www.nytimes.com/2007/04/19/world/europe/19hit-eu.4.5359640.html?_r=1 (последнее посещение 20.9.2009).

неоднократно вызывавший возмущения в России своей исторической политикой.⁵ Вторая часть пояснения явно адресовалась мэру Таллина, по инициативе которого весной 2007 года памятник Советскому солдату был перенесен из центра эстонской столицы на кладбище, расположенное на краю города. В связи с этим произошли столкновения между этническими русскими и эстонцами, приведшие к дипломатическому кризису между Россией и Эстонией.⁶

Инициатива Шойгу была подхвачена генпрокурором РФ Юрием Чайкой и Советом Федерации российского парламента. Однако в Думе она была встречена неоднозначно, тем более что министр известен своими эмоциональными и сенсационными предложениями. Так, незадолго до этого Шойгу предлагал лишить гражданства тех россиян, которые троекратно не участвовали в выборах.⁷

Вопрос о том, что конкретно должно пониматься под отрицанием советской победы во Второй мировой войне, остается в законодательном предложении Шойгу открытым. Очевидно, что законопроект направлен против утверждений, согласно которым СССР не принес освобождения Восточной Европе, а фактически установил в ней оккупационный режим.

Проводимая Шойгу аналогия с законодательством некоторых стран ЕС, карающим отрицание Холокоста, кажется рискованной. В этих стра-

⁵ Ющенко неоднократно выступал, в том числе и на международной арене (в особенности ЕС и ООН, а также во время государственных визитов в различных странах) за признание Голодомора как геноцида против украинского народа. В октябре 2008 ему удалось добиться признания Голодомора как преступления против человечества в Европейском парламенте. Аналогичные постановления состоялись до этого в отдельных европейских государствах, например во Франции. Однако ООН отказалась от принятия такой резолюции. Помимо того, Ющенко выступает за прославление антисоветской борьбы Украинской повстанческой армии – см. Wilfried Jilge. Nationalukrainischer Befreiungskampf. Die Umwertung des Zweiten Weltkrieges in der Ukraine // Manfred Sapper, Volker Weichsel (Hg.). Geschichtspolitik und Gegenerinnerung. Krieg, Gewalt und Trauma im Osten Europas. Osteuropa. 2008. Н. 6. S. 167-186, здесь S. 181, сноска 62; Knut Kroh. Diplomatischer Sieg für Juschtschenko // Tagesspiegel. 2008. 28 января (http://www.tagesspiegel.de/politik/international/Ukraine-Russland;art123_2646844, последнее посещение 28.09.2009).

⁶ Karsten Brüggemann. Denkmäler des Grolls. Estland und die Kriege des 20. Jahrhunderts // Manfred Sapper, Volker Weichsel (Hg.). Geschichtspolitik und Gegenerinnerung. S. 129-146.

⁷ Шойгу предложил уголовно карать отрицающих победу СССР в Отечественной войне // Newsru. 20 февраля (<http://www.newsru.com/russia/24feb2009/srkzavov.html>, последнее посещение 19.09.2009).

нах уголовному наказанию подвергается отрицание этого уникального в своем роде преступления против человечества, Шойгу же стремится предотвратить критические высказывания в связи со строительством советской гегемонии в Восточной и Центрально-Восточной Европе или ссылки на военные преступления Красной армии, которые могли бы бросить тень на советскую победу в войне. Таким образом, речь идет о пресечении, а не поощрении дебатов о репрессиях и насилии. Стратегия Шойгу, в рамках которой он стремится найти эквивалент запрета отрицания Холокоста, не является чем-то специфически российским. Подобные инициативы известны также в других постсоветских государствах. Виктор Ющенко, к примеру, пытался провести в 2006 году через парламент закон, вводивший уголовное наказание за отрицание “Голодомора” – спровоцированного в начале 1930-х годов советской политикой коллективизации голода в Украине. Но его инициатива не увенчалась успехом.⁸

Другой проект был предложен председателем думы, председателем Высшего совета партии “Единая Россия” и председателем ее парламентской фракции Борисом Грызловым, а также другими представителями партии власти в канун 9 мая 2009 года. Ими был предложен проект закона “О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников”. По законопроекту предусматривается лишение свободы от 3 до 5 лет и высокий денежный штраф за действия, направленные на реабилитацию национал-социализма на территории СНГ. Особенно строго должно преследоваться распространение национал-социалистических идей должностными лицами или средствами массовой информации. Помимо этого законопроект предусматривает санкции по отношению к лицам, характеризующим действия государств-членов антигитлеровской коалиции как преступные.

Теоретически действие закона может быть применено как к российским гражданам, так и к гражданам других постсоветских государств. Но прежде всего законопроект направлен против историко-политических тенденций в прибалтийских государствах и в Украине, и в особенности против героизации в качестве “борцов за свободу” тех лиц и организаций, которые сотрудничали во время войны с немецкими оккупационными властями, равно как и против утверждений, согласно которым Красная армия оккупировала эти страны и совер-

⁸ Jilge. *Nationalukrainischer Befreiungskampf*. S. 173 и след.

шала в них преступления против человечества. Предусмотренные в законопроекте санкции в отношении бывших советских республик, где курсируют подобные утверждения, простираются от высылки посольских сотрудников до прекращения дипломатических отношений. Кроме того, законопроект позволяет запрещать в Российской Федерации деятельность иностранных организаций, которые представляют нежелательные политические позиции. Первое чтение и обсуждение этого законопроекта уже состоялось в Государственной думе, после летней паузы предполагается его дальнейшее обсуждение.⁹

На фоне этих сопутствующих мер становится понятной основная цель созданной комиссии: она призвана бороться с ревизионистскими интерпретациями официального российского нарратива истории Второй мировой войны, которым в официальной полемике был присвоен ярлык “фальсификаций”. В связи с этим особенно странным является то, что превентивные меры направлены исключительно против “фальсификаций”, наносящих ущерб международному престижу России. Не случайно, что критические голоса в России задают в этой связи вопрос о желательности или легитимности фальсификаций в пользу России и напоминают о неоднократных ревизиях истории в советский период, которые по логике законопроекта можно также интерпретировать как исторические фальсификации.¹⁰ Уже само понятие “фальсификация” до боли напоминает советскую формулировку “буржуазных фальсификаций истории”, против которых велась борьба вплоть до 1980-х годов. Очевидно также, что авторы указа не признают конструктивистские концепты в историографии, поскольку они имплицитно говорят о “правильных” и “ложных” интерпретациях истории. Таким образом, в международном дискурсе прошлого должны доминировать интерпретации российских политиков от истории, среди которых ведущую роль играют политические элиты и представители государственных ведомств, в то время как участию историков не придается особого значения.

⁹ Текст законопроекта: <http://www.regnum.ru/news/1153517.html> (последнее посещение 29.09.2009), а также его обсуждение в прессе – см., напр.: Медведев создал “историческую комиссию” для борьбы с фальсификацией прошлого страны // Newsru. 2009. 19 мая (<http://newsru.com/russia/19may2009/historycommiss.html>, последнее посещение 19.09.2009).

¹⁰ См., напр.: Vladimir Ryzhkov. A Backward Tradition of Manipulating History // The Moscow Times. 2009. 28 May, цитируется по: Johnson’s Russia list. 2009. 28 May. #33.

Это заметно уже по персональному составу комиссии: из 28 ее членов только 5 являются профессиональными историками; среди них мы находим директоров исторических институтов Академии наук РФ, начальника архивного управления и тележурналиста Николая Сванидзе. Остальные члены комиссии представляют Администрацию президента, Министерства иностранных дел, юстиции, обороны, образования и культуры, внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки, а также некоторых других органов власти. Председателем комиссии является глава администрации президента Сергей Нарышкин. То, что профессиональному историческому курсу по сравнению с политическим отводится второстепенная роль в исторической политике, соответствует общему направлению, который прослеживается в последнее десятилетие также и на уровне методических пособий и школьных учебников по истории. К тому же, все представители исторической науки в комиссии представляют официальную историографию. Это относится как к директору Института Российской истории АН РФ А. Н. Сахарову, так и к Н. А. Нарочницкой, являющейся экспертом по внешней политике и возглавляющей “Фонд исторической перспективы” и финансируемый Кремлем Фонд “Российский институт демократии и сотрудничества” в Париже. Уже упоминавшийся выше Александр Чубарьян, директор Института всеобщей истории АН РФ, также представляет официозную линию, хотя и в более умеренной и дипломатичной форме.

Если обратиться к деятельности членов комиссии и президента Медведева, которого они консультируют, то профиль этого института становится еще очевиднее. Одним из первых шагов работы комиссии может считаться издание книги “Партитура Второй мировой”, изданная членом комиссии Наталией Нарочницкой с предисловием министра иностранных дел Сергея Лаврова.¹¹ Книга произвела фурор прежде всего из-за ее главного и несостоятельного тезиса, приписывающего Польше соучастие и вину в развязывании Второй мировой войны из-за ее “безответственной политики”.¹²

¹¹ Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну / Под ред. Н. А. Нарочницкой, В. М. Фалина. Москва, 2009.

¹² Презентация книги состоялась 2 сентября 2009 года на международной книжной ярмарке в Москве: Презентация издания “Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну”. 02.09.2009. 14:00. ММКЯ // <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r500r090901165939> (последнее посещение 26.9.2009). Александр Музафаров. Расколотое прошлое // Столетие. 2009. 10 сентября (<http://stoletie.ru/>

В свою очередь, на веб-портале Министерства обороны также можно было встретить обвинения в адрес Польши. Польша отклонила якобы “обоснованные” требования Германии “включить вольный город Данциг в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, которые связали бы Восточную Пруссию с основной частью Германии”.¹³ Уже в течение нескольких лет Министерство обороны полемизирует в Интернете в рамках серии статей “Против лжи и фальсификаций” с мнимым клеветничеством в отношении роли Советского Союза во Второй мировой войне. Схожие материалы можно найти в “Военно-историческом журнале” и других близких Минобороны публикациях.¹⁴

В одном из своих последних видеоблогов, посвященных российско-украинским отношениям, президент Медведев открыто выступил в сентябре 2009 года против украинской исторической политики и причислил ее – наряду с позицией Украины в российско-грузинском вооруженном конфликте, с блокадой черноморского флота и дискриминацией русского языка в Украине, а также с энергетическим кризисом в российско-украинской политике – к причинам, по которым он не будет направлять в Украину своего посла. Особо Медведев критиковал “откровенное искажение трудных эпизодов нашей общей истории, трагических страниц великого голода в Советском Союзе” и трактовку Великой Отечественной войны “как некоего противоборства между тоталитарными системами”. Одновременно президент в полном соответствии с мифологемами советской историографии указал на существующие с незапамятных времен братские отношения и тесную духовную близость между украинским и русским народами, которые, безусловно, способствуют преодолению нынешнего кризиса билатеральных отношений. Ответственность за текущую ситуацию

rossiya_i_mir/raskolotoje_proshloje_2009-09-10.htm, последнее посещение 26.09.2009).

¹³ Минобороны включилось в борьбу с “фальсификацией истории”: оказывается, Вторую мировую развязала Польша // Newsru. 2009. 4 июня. 09:19 (<http://www.newsru.com/russia/04jun2009/minoboronhist.html>, последнее посещение 19.09.2009).

¹⁴ Обзор серии “История против лжи и фальсификации” на веб-сайте Минобороны: <http://www.mil.ru/940/25260/> (последнее посещение 23.09.2009). В связи с тематикой публикуемых “Военно-историческим журналом” материалов см., например, написанную армейским генералом двухчастную статью: М. А. Гареев. История Великой Отечественной войны: предотвратить ее искажение и фальсификацию // Военно-исторический журнал. 2006. №. 11. С. 3-8; 2006. №. 12. С. 13-18.

в российско-украинских отношениях Медведев возложил в первую очередь на украинское руководство.¹⁵

Все перечисленные акции указывают на то, что назначение комиссии сводится прежде всего к обеспечению господства официальных российских интерпретаций в мемориальных конфликтах с постсоветскими или постсоциалистическими государствами. Кроме того, необходимость комиссии определяется “внутренней политикой истории”, как это видно из первого заседания комиссии, на котором речь шла о преподавании истории в России.¹⁶

С моей точки зрения, контекст создания комиссии имеет по меньшей мере четыре уровня:

Во-первых, этот шаг представляется мне реакцией на возрастающую в последние годы интернационализацию мемориальных практик и нарративов – и в особенности памяти о Второй мировой войне и Холокосте.¹⁷ На всем бывшем советском пространстве история играет одну из ключевых ролей в политике идентичности и, в частности, в конструировании национальных идентичностей при помощи национальных историй. В этом смысле она является важным политическим инструментом. Poleмически заостренные интерпретации и избирательное восприятие истории получили распространение во многих постсоциалистических государствах. Историческая политика в этих государствах ни в коем случае не сводится только к интеграции и внутренней политике, стремящейся к созданию “воображенных сообществ”. Она также направлена на дистанцирование от “чужих”, в частности от России, которая, являясь официальной наследницей СССР, обвиняется в беззакониях и преступлениях советского периода. Ярким примером такой политики является Украина, где доминируют антисоветские исторические образы, “окрашенные антисоветскими стереотипами”.¹⁸ Историческая политика

¹⁵ В отношениях России и Украины должны наступить новые времена. 11 августа 2009 // <http://blog.kremlin.ru/post/transcript> (последнее посещение 20.09.2009).

¹⁶ Commission on Counteracting History Falsification Meets in Kremlin // Johnson's Russia list, 2009-#160. 2009. 28 August. #21.

¹⁷ См.: Andreas Langenohl. Staatsbesuche. Institutionalisierte Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg in Russland und Deutschland // Osteuropa. 2005. Н. 4-6. S. 76; Etienne François. Meistererzählungen und Dammbürche. Die Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg zwischen Nationalisierung und Universalisierung // Monika Flacke (Hg.). Mythen der Nationen. 1945 – Arena der Erinnerungen. Bd. 1. Berlin 2005. S. 19.

¹⁸ По выражению Вильфрида Йильге, цитируется по: Winfried Schneider-Deters, Peter W. Schulze, Heinz Timmermann. Die Europäische Union, Russland und Eurasien: Die Rückkehr der Geopolitik. Berlin 2008. S. 260.

в Украине получила такую степень институционализации, которая в какой-то мере напоминает российский случай. В конце 2007 года при Службе безопасности Украины была образована рабочая группа историков, задачи которой сводились к очищению украинской истории от “лжи и фальсификаций” и распространению “исторической правды” о “прошлом украинского народа”.¹⁹ Рабочая группа тесно сотрудничает с Украинским институтом национальной памяти, основанном в июле 2005 года, в целях содействия и популяризации государственной политики в области истории.²⁰

В свою очередь, Россия, все еще находящаяся в процессе нациестроительства, привлекает историю в рамках активно проводящейся государством политики идентичности, которая строится в том числе и на полемике с историческими интерпретациями других постсоветских и постсоциалистических государств. Интенсивность и жесткость этих дебатов объясняется еще и тем фактором, что Россия рассматривает так называемое “ближнее зарубежье” (т.е. бывшие советские республики) как сферу своего влияния.

Центральную роль в дебатах играют отдельные аспекты истории Второй мировой войны. К особо острым и щекотливым вопросам относится проблема освобождения Красной армией Восточной Европы от национал-социализма vs. очередная оккупация, сопровождавшаяся страданиями и жестоким террором, как это подчеркивается в балтийских государствах и демонстрируется при помощи создания музеев оккупации и воздвижения мемориалов депортированных.²¹ Интерпретация результатов Второй мировой войны как советской оккупации сводит на нет утверждавшийся десятилетиями в СССР, а затем и в России тезис об освобождении Восточной Европы, легитимировавший наступление Красной армии за пределами границ Советского Союза и сохранявший свою силу после развала коммунизма благодаря его нейтральности по отношению к марксистско-ленинской государственной идеологии. Помимо того, данная интерпретация освобождает сообщества бывшего соцлагеря от необходимости дебатов о сотрудничестве с советским режимом, коль скоро коммунизм как “чужое” и “чуждое” вытесняется из собственной национальной истории. Другим спорным моментом является интерпретация голода в Украине, спровоцированного в начале

¹⁹ Jilge. Nationalukrainischer Befreiungskampf. S. 178 и след.

²⁰ Idem. S. 174.

²¹ Katja Wezel. “Okkupanten” oder “Befreier”? Geteilte Erinnerung und getrennte Geschichtsbilder in Lettland // Sapper, Weichsel. Geschichtspolitik. S. 147-158.

1930-х годов сталинской политикой коллективизации и индустриализации. В независимой Украине этот эпизод советской истории интерпретируется как “геноцид” против украинского народа – точка зрения, решительно отвергаемая официальной Россией со ссылкой на то, что помимо украинцев от голода пострадали и другие этносы и регионы.²² В российско-польских отношениях многолетним камнем преткновения является пакт Риббентропа-Молотова (годовщина которого отмечается в текущем 2009 году), а также массовое убийство польских офицеров в Катыни. Существование секретных протоколов пакта Риббентропа-Молотова и ответственность Советского Союза за массовое убийство в Катыни десятилетиями отрицались в СССР. В период перестройки оба факта были признаны, а Съезд народных депутатов СССР даже признал пакт незаконным и объявил его недействительным.²³ Однако в последние годы в России все чаще раздаются стандартные советские аргументы, согласно которым пакт дал СССР крайне необходимую передышку для подготовки к грозившему ему нападению Германии.²⁴ Российская военная прокуратура отказалась от официальной реабилитации жертв Катыни – не в последнюю очередь с тем, чтобы избежать требований по возмещению ущерба. В 2009 году это постановление было утверждено Верховным судом России.²⁵

²² В ноябре 2006 украинский парламент принял с небольшим перевесом голосов закон, согласно которому Голодомор был официально объявлен актом геноцида против украинского народа – см.: Schneider-Deters, Schulze, Timmermann. S. 260. О Голодоморе и его роли в украинской исторической политике см.: Manfred Sapper, Volker Weichsel, Agathe Gebert (Hg.). *Vernichtung durch Hunger. Der Holodomor in der Ukraine und der UdSSR*. Osteuropa. 2004. H. 12. О политике в области истории и культурной памяти в Украине см.: Wilfried Jilge, Stefan Troebst. *Divided Historical Cultures? World War II and Historical Memory in Soviet and Post-Soviet Ukraine* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* N.F. 2006. H. 1. S. 1 и след. Wilfried Jilge. *The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991-2004/2005)* // *Ibid.* S. 50-81. Jilge. *Nationalukrainischer Befreiungskampf*. S. 167-186.

²³ Tatjana Timofeeva. “Ob gut, ob schlecht, das ist Geschichte”. *Russlands Umgang mit dem Molotov-Ribbentrop-Pakt* // Manfred Sapper, Volker Weichsel (Hg.). *Der Hitler-Stalin-Pakt. Der Krieg und die europäische Erinnerung*. Osteuropa. 2009. H. 7-8. S. 260.

²⁴ *Idem.* S. 261 и след.

²⁵ Против этого постановления российское общество “Мемориал” направило жалобу в страсбургский суд по правам человека – см.: Kerstin Holm. *Geister von Katyn* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2008. 29 мая (<http://www.faz.net/s/Rub5A6D-AB001EA2420BAC082C25414D2760/Doc~EF8A56C57343D4046A9702E14A43543DA~ATpl~Ecommon~Scontent.html>, последнее посещение 23.09.2009).

Кроме того, официальная Россия рассматривает возведение памятников и проведение мемориальных мероприятий, а также героизацию в качестве “борцов за свободу против советской оккупационной власти” отдельных персон и групп в балтийских государствах и в Украине как провокацию. В рядах “борцов за свободу” оказались в том числе и коллаборационисты с национал-социалистической Германией, частично участвовавшие в Холокосте – такие как, например, “Латышский добровольческий легион СС” или Степан Бандера и Украинская повстанческая армия (УПА). Такого рода чествования неоднократно вызвали возмущения как в Европейском сообществе, так и в Израиле.

Резко негативные реакции в России вызывают также курсирующие прежде всего в балтийских государствах интерпретации, приравнивающие сталинизм к национал-социализму как тоталитарную и отвратительную по своей сущности систему. Речь идет о распространенной в балтийских странах точке зрения по поводу необходимости сохранения памяти о пережитых беззакониях советского времени, как и о преступлениях национал-социализма, которая вызвала в Европейском сообществе в отдельных случаях массивное противодействие – не в последнюю очередь потому, что это грозит поставить под вопрос исключительный статус Холокоста, подчеркиваемый в рамках западноевропейской культуры памяти о Второй мировой войне. Одна из ревизий этой мемориальной культуры была предпринята министром иностранных дел Литвы Сандрой Калниете на франкфуртской книжной ярмарке в 2004 году.²⁶

Противоположные интерпретации истории особенно ожесточенно сталкиваются друг с другом в тот момент, когда представители различных постсоветских и постсоциалистических государств приглашаются к совместному участию в памятных мероприятиях, посвященных Второй мировой войне. Так было, к примеру, в 2005 году, когда в Москве праздновалось 60-летие победы во Второй мировой войне, и приглашенные на торжества главы Эстонского и Литовского государств отменили свои визиты со ссылкой на расхождение во мнениях с российским руководством во взглядах на Вторую мировую войну. В некоторой степени аналогичной была ситуация во время памятных торжеств на полуострове Вестерплатте в Гданьской бухте 2009 года, посвященных началу Второй мировой войны. На эти историко-политические противоречия зачастую накладывались проблемы энергетической политики,

²⁶ Carmen Scheide. Erinnerungsbrüche. Baltische Erfahrungen und Europas Gedächtnis // Sapper, Weichsel. Geschichtspolitik. S. 117-128.

как, например, в случае спора с Польшей о строительстве нефтепровода “Северный поток” в 2006 году или в случае разногласий с Украиной из-за газопровода и цен за транзит газа в 2009 году.²⁷

В последние годы Российская Федерация сталкивается с другой проблемой – постсоветские государства и бывшие государства-сателлиты СССР обращаются к супранациональным организациям и союзам, таким как ЕС или ООН, с ходатайствами о санкционировании их исторических нарративов. Так, например, Украина пыталась добиться от ООН признания Голодомора 1932/33 годов как “геноцида”, но потерпела неудачу.²⁸ Когда Германия, возглавлявшая в тот момент Евросоюз, предложила ввести общеевропейский запрет на национал-социалистическую символику, консервативные депутаты Европарламента из постсоциалистических стран выступили за то, чтобы одновременно ввести в государствах ЕС запрет на коммунистическую символику. Обе инициативы успехом не увенчались.²⁹

На интернационализацию дискурса прошлого Россия реагирует комплексной стратегией. С одной стороны, ведущие представители Российской Федерации, и прежде всего Владимир Путин, стараются адаптироваться к новой ситуации на международных мемориальных торжествах, приспосабливаясь в какой-то степени к принятой в ЕС терминологии, взглядам и представлениям. Так, например, в рамках московских торжеств, посвященных 60-летию победы, Владимир Путин говорил не только о победе Советского Союза в Великой Отече-

²⁷ Marcin Miodek. “Das ist ein neuer Ribbentrop-Molotov-Pakt!” Eine historische Analogie in Polens Energiedebatte // Osteuropa. 2009. Н. 7-8. S. 295-305; Jeronim Perović. Farce ums Gas. Russland, die Ukraine und die EU-Energiepolitik // Osteuropa. 2009. Н. 1. S. 19-35.

²⁸ Golodomor: UN-Vollversammlung lehnt Antrag der Ukraine ab // RIA Novosti. 17:08. 2008. 12. июля (<http://de.rian.ru/world/20080712/113836457.html>, последнее посещение 23.09.2009).

²⁹ Oana Lungescu. EU Rejects Communist Symbol Ban // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4248425.stm> (последнее посещение 20.09.2009). Общеевропейский запрет национал-социалистической символики потерпел неудачу частично потому, что отдельные государства (среди них Великобритания) настаивали на принципе свободы мнения, частично также из-за того, что свастика широко представлена как в латвийской, так и в индийской культуре, не имея при этом никакой связи с национал-социализмом. Так, например, свастика до сих пор почитается в индуизме как символ благополучия и по-прежнему широко используется индусами, проживающими в Великобритании – см.: Hindus Want to “Reclaim” Swastica. Hindus in the UK are Starting a Campaign to Reclaim the Swastica from its Nazi Associations // http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4188141.stm (последнее посещение 20.09.2009).

ственной войне, но и о его победе во Второй мировой войне – формулировка, которая бы еще в середине 1990-х годов вызвала обвинения в отсутствии патриотизма, поскольку она выходит за рамки русоцентричных представлений о войне и ее патетического превознесения как величайшей оборонительной войны в истории страны.³⁰ Аргументируя вполне “по-европейски”, Путин подчеркнул в своей речи, что победа над фашизмом является общей заслугой антигитлеровской коалиции, в то время как в официальном российском дискурсе первостепенная роль признается за Красной армией и ее решающим вкладом в разгром национал-социализма.³¹ Также во время упоминавшейся выше церемонии в Гданьской бухте возглавлявший российскую делегацию Путин выступил в роли примирителя и посредника. Он упомянул в своем выступлении осуждение пакта Риббентропа-Молотова Съездом народных депутатов СССР и говорил в критическом тоне о советской внешней политике.³² Однако эти сигналы не нашли сочувственных откликов в западноевропейских средствах массовой информации – частично из-за фиксации на негативном образе России, а частично из-за того, что путинское заявление о пакте Риббентропа-Молотова воспроизводило многолетнюю российскую практику, в традиции которой тема исчерпывалась ссылкой на постановление советского Съезда народных депутатов, и повторные извинения и осуждение пакта объявлялись, таким образом, излишними.³³

С другой стороны, было бы неверно утверждать, что Россия реагирует примирительно. Напротив, ее реакции на обвинения других постсоциалистических государств в адрес Советского Союза и его “оккупационного режима” в Восточной и Центрально-Восточной Европе остаются по-прежнему агрессивными. К тому же, пред-

³⁰ С подобным обвинением пришлось, в частности, столкнуться автору учебного пособия по истории Кредеру, который одним из первых использовал понятие “Вторая мировая война” вместо “Великой Отечественной войны” – см. Isabelle de Kegel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse im neuen Russland. Hamburg 2006. S. 216-218.

³¹ 9 мая 2005 года. Москва, Красная площадь. Выступление на военном параде в честь 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/05/87819.shtml> (последнее посещение 15.05.2005).

³² Цитируется по дословной транскрипции речи Путина на веб-сайте Первого канала российского телевидения: Лидеры ряда европейских государств почтили память погибших во Второй мировой войне. 01.09.2009. 21:20 // <http://www.1tv.ru/news/polit/150893> (последнее посещение 23.09.2009).

³³ Timofeeva. S. 261 и след.

ставители официального российского руководства указывают на то, что не только Советский Союз, но и другие европейские страны своей чрезмерной сговорчивостью и готовностью к сотрудничеству с национал-социалистической Германией подтолкнули агрессора к развязыванию войны, заключив, в частности, с Германией Мюнхенское соглашение в 1938 году. России, по мнению ее политических элит, не может инкриминироваться исключительная ответственность за начало Второй мировой войны и раздел Европы на зоны влияния. Развивая этот аргумент в своем гданьском выступлении, Путин зашел настолько далеко, что предложил рассматривать Россию ввиду ее критического отношения к советской внешней политике как яркий пример политики преодоления прошлого.³⁴

Ввиду того, что упоминавшиеся выше умеренные позиции и заявления российских политиков контрастируют с чрезвычайно агрессивной политикой и риторикой в российском или центрально-восточноевропейском контексте, напрашивается очевидный вывод о том, что официальная Россия сознательно использует разные стратегии саморепрезентации в отношении Западной Европы, с одной стороны, и в отношении Восточной Европы и внутри самой России, с другой.³⁵

Во-вторых, создание комиссии по противодействию фальсификациям истории явилось, как мне представляется, реакцией на то, что вскоре уже не останется в живых представителей поколения людей, лично переживших Вторую мировую войну и питавших на протяжении послевоенных десятилетий своими рассказами коммуникативную память общества. Таким образом, политические элиты ощущают угрозу возникновения брешы в важнейшем с их точки зрения элементе российской исторической памяти, объединяющем общество. Такой сценарий представляется российским политикам чрезвычайно опасным, особенно на фоне ощущаемого в России намного острее, чем в других европейских странах экономического кризиса, грозящего destabilизировать господствующие властные отношения. Тем не менее

³⁴ Лидеры ряда европейских государств... <http://www.1tv.ru/news/polit/150893> (последнее посещение 23.09.2009).

³⁵ Этой точки зрения придерживается также Штефан Трёбст. В его интерпретации Россия использует параллельную тройную стратегию: внутрисоссийскую, центрально-восточноевропейскую и стратегию по отношению к государствам “старой Европы” и особенно Германии – Stefan Troebst. Der 23. August 1939. Ein europäischer lieu de mémoire? // Sapper, Weichsel. Der Hitler-Stalin-Pakt. S. 250 и след.

актуальные социологические опросы показывают, что большинство россиян считает победу Советского Союза во Второй мировой войне центральным событием XX столетия и относит ее к важнейшим столпам постсоветской, российской национальной идентичности. Более того, несмотря на неизбежное временное удаление от событий середины XX века, социологами отмечается на данный момент рост значения Второй мировой войны в сознании россиян.³⁶

О том, что, несмотря на результаты социологических опросов, политические элиты продолжают опасаться спада или полного исчезновения гордости по поводу выдающегося значения Второй мировой войны из российской идентичности, свидетельствует уже упоминавшийся выше видеоблог Медведева по случаю празднования Дня победы 9 мая 2009 года. В своем видеовыступлении Медведев высказал сожаление, что становится “всё меньше и меньше тех людей, кто участвовал в войне, видел её собственными глазами” и возникает “вакуум”, который “либо по неведению, либо зачастую умышленно – заполняется новым видением, новыми трактовками войны”.³⁷

Эти опасения привели к тому, что после недолгих критических дискуссий с 1995 года в России вновь доминирует триумфальный дискурс Великой Отечественной войны. К тому же, в России – в отличие от других европейских стран – официально празднуется не столько окончание войны, сколько собственная победа и героизм.³⁸ Это, в свою очередь, перекликается с усиливающейся русоцентричной интерпретацией прошлого, отразившейся в последние годы в реформе учебных планов и учебников и актуальном тренде российского “зондервега”, сменившем западнические тенденции в нарративе российской истории начала 1990-х годов.³⁹ Нежелательными стали критика компетентности военного руководства и адекватности советской политики накануне Второй мировой войны, вопросы цены победы, жертв и страданий, равно как и критическое отношение к процессам советизации и репрессий в Восточной Европе, обернувшимся после вступления Красной

³⁶ Александра Самарина, Роза Цветкова. Патриотизм по указу. Президент создал экспертную комиссию по выявлению фальсификаций истории // Независимая газета. 2009. 20 мая (http://www.ng.ru/politics/2009-05-20/1_patriotism.html, последнее посещение 20.06.2009).

³⁷ О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти. 7 мая 2009 // <http://blog.kremlin.ru/post/11> (последнее посещение 20.09.2009).

³⁸ Самарина, Цветкова. Патриотизм по указу...

³⁹ Nikita Sokolov. Der ewige Karamzin. Geschichtsideologie aus dem Lehrbuch // Osteuropa. 2009. Н. 1. S. 83-95.

армии депортациями и уничтожением сотен тысяч людей. Критическое отношение к отдельным аспектам ведения войны и советской гегемониальной политики после Второй мировой войны классифицируются как принципиальное отрицание победы и фронтальная атака на Россию.

В-третьих, создание комиссии, на мой взгляд, следует рассматривать также в контексте различных мероприятий и решений последних лет, которые наглядно демонстрируют, что после продолжительного периода *laissez-faire* государство снова стремится к определяющей роли в исторической политике и особенно в области школьного образования. Это проявляется прежде всего в попытке государства вновь подчинить тотальному контролю предмет истории в школах, который напрямую связывается с патриотическим воспитанием и формированием “позитивной идентичности”. Считается, что чувство гордости за свою страну не должно умяться критическим анализом политических систем и властных отношений советского и, в особенности, сталинского периода. Напротив, происходит частичная реабилитация Сталина, в частности в инсценированном образе его как “эффективного менеджера”. Уже начиная с 2001 года можно наблюдать характерные изменения в политике российского правительства в области истории, направленные на упразднение плюрализма учебников, характерного для трансформационного периода конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Первым сигналом стала высказанная в августе 2001 года премьер-министром Михаилом Касьяновым критика в отношении учебных пособий по современной истории, в результате чего Министерством образования был объявлен конкурс на создание нового учебника, победителем которого стал коллектив авторов во главе с Н. В. Загладиным.⁴⁰ В ноябре 2003 года на встрече с историками в Российской государственной библиотеке президент Путин заявил, что основное внимание авторов учебной литературы в переломный период сосредоточивалось на всем негативном, прежде всего для того, чтобы разрушить старую систему. Отныне задачей для современных учебников должно стать участие в созидательном процессе и воспитании “в молодых людях чувства гордости и за свою отечественную историю, и за свою страну”.⁴¹ В итоге в

⁴⁰ Н. В. Загладин, С. И. Козленко, С. Т. Мишаков и др. История России XX – начала XXI века. Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. Москва, 2008.

⁴¹ Владимир Путин. Вступительные слова на встрече с учеными-историками. 27.11.2003 // www.kremlin.ru/appears/2003/11/27/1907_type6337type82634_56326.shtml (последнее посещение 23.09.2009).

декабре 2003 года по распоряжению министра образования Владимира Филиппова из официального списка одобренной учебной литературы был изъят учебник по истории Игоря Долуцкого, который отличали антикоммунистический настрой и идеал “зрелого гражданина”.⁴² Следующим шагом на пути к политике контроля со стороны государства в истории стала встреча Путина с преподавателями, учеными и авторами учебников летом 2007 года и прозвучавшее тогда официальное одобрение нового учебника Александра Филиппова Кремлём. На сегодняшний день данное учебное пособие определяется как основной учебник для школ, что серьезно повышает его шансы стать единственным учебным пособием для всех общеобразовательных учреждений. Заказываемые в рамках исторической политики новые учебники преданно следуют карамзинской традиции. Они концентрируются, как правило, на превозношении институтов сильной российской государственности, своеобразия или особенности России и призваны воспитывать чувство патриотизма.⁴³ Отныне в центре внимания – за исключением политического руководства – находится российское государство, а не личность и исторический субъект.⁴⁴ Подобное поощрение патриотизма в школьном образовании полностью перекликается с внутренним политическим курсом, выстраивающим жёсткую дистанцию в отношении “другого”, “чужого” и добивающимся с помощью проведения соответствующих мер и заявлений, как, например, в случае представителей кавказских народов, желаемого настроения и реакции в обществе. На память приходит заявление Путина, сделанное в октябре 2006 года, об ограничении привлечения мигрантов в качестве рабочей силы на московских рынках в целях защиты интересов “коренного” населения.⁴⁵ Подобная политика

⁴² Игорь Долуцкий. Отечественная история. XX век: Учебник для общеобразовательных учреждений. Ч. 1. Москва, 2002.

⁴³ А. Филиппов, А. Уткин и др. История России. 1945-2007. Учебник для учащихся общеобразовательных учебных учреждений. Москва, 2008. Этот учебник дополняет методическое пособие для учителей, также составленное Филипповым: А. В. Филиппов. Новейшая история России 1945-2006. Книга для учителей. Москва, 2007.

⁴⁴ О политике в области истории и в особенности в связи с канонами учебников последних лет см.: Galina Zvereva. Die Konstruktion einer Staatsnation: Geschichtslernbücher für das neue Russland // Lars Karl, Igor J. Polianski (Hg.). Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland. Göttingen 2009. S. 87-118, а также Sokolov. Der ewige Karamzin. S. 83-95.

⁴⁵ Migrants Targeted by Cabinet // The St. Petersburg Times. 2006. 17 ноября (http://www.sptimes.ru/index.php?action_id=3&i_number=1222§ion_id=1, последнее посещение 8.12.2006).

провоцирует проявления расизма и ксенофобии в обществе, что можно было воочию наблюдать во время празднований “Дня национального единства” в 2005 году и в последующий период, пока органами власти не были предприняты превентивные меры. Другим примером стали выступления-погромы против выходцев с Кавказа в карельском городе Кондопоге в 2006 году.⁴⁶ Более того, политика изоляции и дискриминации способствовала за последние годы значительному увеличению случаев нападения и применения насилия в отношении выходцев с Кавказа и Азии, а также лиц африканского происхождения. Остается одно – ждать, чтобы в конечном итоге узнать, приведет ли закон, предложенный Шойгу, также к решительным мерам противодействия радикальным настроениям и силам в России.

В-четвёртых, образование комиссии, на мой взгляд, полностью вписывается в наблюдаемую с середины 1990-х годов тенденцию последовательного урезывания гарантированного Конституцией права на свободу выражения мнения в России. С одной стороны, это явилось следствием введения в действие закона о защите государственной тайны, статьи Уголовного кодекса, предусматривающей уголовную ответственность за “оскорбление представителей власти” и “возбуждение ненависти по признакам... расы, национальности” и “отношения к религии”, а также следствием ужесточения параграфов закона “О противодействии экстремистской деятельности” в 2006 году, что в конечном счёте в очередной раз было использовано против критически настроенных журналистов, правозащитников и деятелей культуры. С другой стороны, это явилось результатом перехода основной части массмедиа под контроль государства, а также нагнетания в обществе атмосферы страха вследствие многочисленных убийств журналистов, занимавшихся “неудобными” темами, в особенности такими, как Чечня и коррупция. В новых условиях не остались незатронутыми и существующие чаще всего за счёт западных фондов НГО (негосударственные организации): после принятия специального закона их деятельность на территории России была в значительной степени затрундена.⁴⁷

⁴⁶ См.: Isabelle de Kéghel. Verordneter Abschied von der revolutionären Tradition: Der “Tag der nationalen Einheit” in der Russländischen Föderation // Karl, Polianski. S. 130-132.

⁴⁷ Об ограничениях свободы мнения и перекройке структур средств массовой информации см.: Margareta Mommsen, Angelika Nußberger. Das System Putin. Bonn, 2007. S. 46-63. О законе, регулирующем деятельность НГО, см.: Diana Schmidt-Pfister. Neues (und Altes) zum NGO-Gesetz // Russlandanalysen. 2006. Н. 103. S. 5-9.

На мой взгляд, до сих пор остаётся неясным, будет ли деятельность комиссии направлена также против инакомыслящих в России и критически настроенных иностранных исследователей. В качестве одного из инструментов давления вполне можно предположить ограниченный доступ к архивам или полный отказ в таковом, либо запрет на въезд в страну.

И всё же, как мне кажется, прогнозируемый некоторыми комментаторами оруэлловский вариант России не грозит, поскольку благодаря радиовещанию, Интернету, телевидению и телефонной связи Российскую Федерацию нельзя назвать замкнутым коммуникативным пространством. Помимо того, внутри самой страны ещё продолжает существовать определенный плюрализм мнений, слышны голоса критики, например в лице НГО “Мемориал” или таких историков, как Елена Зубкова, издавшая совсем недавно монографию о российско-балтийских отношениях во время и после Второй мировой войны.⁴⁸ Стоит также отметить, что варианты трактовки и интерпретации истории в литературных произведениях, в поп-культуре или в кинематографе многогранны и неоднозначны по сравнению с официальной политикой в области истории.⁴⁹

Тем не менее создание Комиссии по противодействию попыткам *фальсификации истории* остаётся для меня предметом резкой критики. По моему глубокому убеждению, различия трактовок и подходов в истории невозможно преодолеть изданием декрета или учреждением комиссии, в функции которой входит достижение некой гегемонии в интернациональном дискурсе прошлого при помощи жёсткой политики в области истории. Мне представляется более продуктивным обсуждение спорных вопросов, ставших предметом разногласия, в условиях научного независимого и открытого обмена мнениями, например в рамках двусторонних комиссий историков. В данном случае примером могли бы послужить уже образованная комиссия между Россией и Литвой и комиссия, договоренность о которой была достигнута несколько недель назад между Польшей и Россией. Там, где подобный вариант не пред-

⁴⁸ Елена Зубкова. Прибалтика и Кремль, 1940 – 1953. Москва, 2008.

⁴⁹ См.: Matthias Schwartz. Postimperiale Erinnerungsbilder. Zum Umgang mit der Geschichte in der russischen Populärkultur // Karl, Polianski. S. 215-234; см. также Elena Stepanova. “Warum dieser Krieg?” Literarische Deutungen des “Großen Vaterländischen Krieges” im postsowjetischen Russland // Ibid. S. 249-269; Eadem. Den Krieg beschreiben. Der Vernichtungskrieg im Osten in deutscher und russischer Gegenwartsprosa Bielefeld, 2009; Isabelle de Kegel. Ungewöhnliche Perspektiven. Der Zweite Weltkrieg in neueren russländischen Filmen // Sapper, Weichsel. Kluften. S. 337-346.

ставляется возможным, в качестве альтернативы для научной полемики или дискуссии может выступать проведение рабочих встреч или так называемых круглых столов, как это сделали Эстония и Россия.⁵⁰ При этом важно, чтобы обсуждение ключевых пунктов проходило в условиях взаимного уважения, чтобы участники дискуссий избегали острой полемики и чтобы дискуссии велись в деловой атмосфере и на основе необходимых и открытых для доступа архивных документов.

Взаимный обмен программами в области науки и образования мог бы существенно дополнить работу комиссий историков и круглых столов, равно как и проведение международного исторического форума (идея, высказанная НГО “Мемориал”) могло бы дополнить открытые дебаты по спорным вопросам в Восточной и Центрально-Восточной Европе.⁵¹ Следует свыкнуться с тем фактом, что конфликты памяти на постсоветском и постсоциалистическом пространстве были, есть – и, по всей вероятности, в ближайшие десятилетия будут существовать. Важно, чтобы “урегулирование” конфликтов памяти происходило на основе признаваемых всеми участниками дискуссии правил,⁵² с уважением альтернативных точек зрения и деловым обменом аргументами. Сказанное относится не только к России, но и ко всем постсоциалистическим странам. Такая стратегия, гарантирующая равноправное участие в дискуссии всех оппонентов, принесла бы намного больше пользы международному имиджу России, нежели создание Комиссии по противодействию попыткам *фальсификации истории*.

Представленный мною текст ни в коем случае не должен быть воспринят как руководство или пособие, поучающее, каким образом России необходимо переосмысливать ее прошлое. Прописывать правила или устанавливать ГОСТы для “работы” над прошлым⁵³ не входило в мои цели уже в силу того, что российский и немецкий случаи не подлежат сравнению из-за целого ряда причин. Процесс критического

⁵⁰ Новоселова. Лидеры.

⁵¹ Nationale Geschichtsbilder. Das 20. Jahrhundert und der “Krieg der Erinnerungen”. Ein Aufruf // Sapper, Weichsel. Geschichtspolitik. S. 77-84.

⁵² См.: Andreas Langenohl. Erinnerungskonflikte und Chancen ihrer “Hegung” // Soziale Welt. 2001. Н.1. S. 71-91.

⁵³ Это ироническое понятие предложил Тимоти Гартон Эш: Timothy Garton Ash. Strafgerichte, Säuberungen und Geschichtsstunden // Idem. Zeit der Freiheit. Aus den Zentren des neuen Europa. München 1999. S. 309. Об этом см. также: Stefan Troebst. Jalta versus Stalingrad, GULag versus Holocaust. Konfligierende Erinnerungskulturen im größeren Europa // Bernd Faulenbach, Franz-Josef Jelich (Hg.). “Transformationen” der Erinnerungskulturen in Europa nach 1989. Essen, 2006. S. S. 28 и след.

рассмотрения своего национал-социалистского прошлого для Германии начался после поражения во Второй мировой войне, в условиях давления со стороны стран-победителей и также в ситуации тянувшегося годами “замалчивания”. “Работа” с прошлым ГДР началась уже после смены политической системы, после коренной смены элит в Восточной Германии и, к тому же, в сравнительно более благоприятных экономических условиях, чем в России.

Советский Союз или Россия, в отличие от Германии, не подвергались какому-либо серьезному внешнему давлению. Преодоление отягощенного негативными событиями прошлого началось еще до смены самой советской системы, которую, собственно, и пытались лишить легитимности. Этот процесс был довольно быстро остановлен после крушения СССР и советских режимов в Европе. То, что критическое осмысление и преодоление коммунистического прошлого силами писателей, кинорежиссеров, журналистов и подвижников НГО продлилось так недолго, связано прежде всего с крайней устойчивостью элит в России и с тем множеством задач, которые приходилось решать во время переходного периода. Кроме того, в России – в отличие от всех остальных постсоциалистических государств – ответственность за коммунистическую систему не могла быть перенесена на некую “чужую”, внешнюю оккупационную власть. Другой причиной сложностей России с критическим осмыслением ее прошлого является постимперская травма, наблюдаемая в широких слоях политической элиты и всего российского населения. Россия потеряла в начале 1990-х годов значительную часть своей территории, в том числе регионы, которые на протяжении столетий принадлежали Российской империи. Осмыслить эти потери сложно не только российским элитам, но и большей части населения. Поэтому российский случай поддается сравнению скорее с другими постимперскими или постколониальными державами, такими как Великобритания, Франция или Голландия. Они также испытывали сложности со своим прошлым, равно как и с проблемой коллаборационизма с национал-социалистической Германией в период Второй мировой войны, которая лишь с недавнего времени стала темой дебатов о прошлом в этих странах.⁵⁴

⁵⁴ См.: Jutta Scherrer. *Erinnern und Vergessen: Russlands Umgang mit (seiner) Geschichte in einer europäischen Perspektive* // Karl, Polianski. S. 23-40; Fedor Luk'janov. *Blick zurück nach vorn. Russland zwischen Geschichte und Globalisierung* // Manfred Sapper, Volker Weichsel (Hg.). *Freiheit im Blick. 1989 und der Aufbruch in Europa. Osteuropa. 2009. H. 2-3. S. 113-149.*

SUMMARY

In her contribution to the forum, Isabelle de Kéghel analyzes the composition and objectives of the Presidential Commission to Counter Attempts at Falsifying History that Damage Russia's Interests. She sees the Commission's main purpose in ensuring Russia's prerogative in the ongoing dispute with the post-Soviet states (first and foremost, with the Baltic states, Ukraine, and Poland) about the history of World War II. De Kéghel argues that the creation of the Commission is a reaction to the increasing "internationalization of remembrance" of World War II and the Holocaust, as well as to the withering away of the generation that had actually experienced the war. She locates the beginning of the trend represented by the Commission back in 2001, as this year was marked by an upsurge in the politics of history. The Commission is a step in the growing trend to curb the freedom of opinion that has been observed in Russia since the mid-1990s. De Kéghel evaluates the Commission's aims as being unrealistic and inconsistent with an open, fair, and constructive discourse of the past, which should be based on free access to archives.